

УДК 502(9)

ВОЙНА СТАЛА ДАЛЕКОЙ, А ПАМЯТЬ О НЕЙ ВЕЧНО БУДЕТ БЛИЗКОЙ

Д.Г. ГРИДНЕВ

*Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
г. Москва, Россия*

АННОТАЦИЯ. Автор рассказывает о своей жизни, службе в рядах Красной Армии с 1943 по 1950 г., участии в боевых действиях и своем отношении к происходящим событиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Д.Г. Гриднев, бои на границе Новгородской и Ленинградской областей.

Период «шапкакозакидательства» первых дней войны прошел быстро, и все поняли, особенно после известного обращения: «Братья и сестры», что война будет долгой и кровопролитной. Мне призыв в армию не грозил – военкомат назначил меня на курсы шоферов и военком сказал, что я буду обслуживать Тамбовский гарнизон. Курсы пришлось закончить, но я сказал военкому, что пойду в Красную Армию, хочу убивать немцев и их сателлитов. Тогда он наорал на меня и сообщил, что военкомат дает мне «бронь» и посылает учиться в железнодорожный техникум в Тамбове. Я ответил отказом, военком пригрозил трибуналом, на что я ответил, что трибунал существует для тех, кто укрывается от армии, а не для тех, кто туда рвется, к тому же я еще не принимал присяги.

Наверно, кто-то подумает: ах, какой он патриот. Не знаю, как насчет патриотизма, от советской власти нашей семье крепко досталось до 1935 года: сначала забрали отца рыть Беломорканал, а затем молодцы из райЧКа каждый понедельник приезжали на тройке и требовали у мамы отдать золото. Обыски ничего не давали, и они уезжали ни с чем. Мама каждую субботу уезжала в Тамбов (до 1935 года мы жили в сельской местности) и отдавала в «Торгсин» 2-3 золотых червонца, на что ей отпускали всякой всячины на неделю. Нас у мамы было пятеро детей, мал мала меньше. Торгсиновцы при каждой сдаче червонцев звонили в райЧКа – вот они и прискакивали каждый понедельник. В конце концов, они арестовали маму и посадили в Тамбовскую тюрьму до тех пор, пока она не отдаст им золото. Мы, дети, остались одни. Крестьяне всего района «загудели», посадили нас на телегу и повезли за 10 км в районный центр – вы начните бить стекла окон райЧКа, а потом крестьяне разнесут все помещение ЧК. Но этого не случилось – кто-то чекистам сообщил о намечающемся мероприятии. Сотрудники ЧК вышли из здания с большим чайником меда (который экспроприировали у кого-то здесь же, на базаре) и

белыми булками. Они кормили нас булками, политыми медом, и приговаривали: зачем же вы приехали так далеко. Мы ответили: «Мы приехали за мамой, вы ее забрали, вы ее и верните нам». Народа собралось очень много, и сотрудники ЧК ответили нам, что завтра ваша мама будет дома. Быстро нашли транспорт и нас отвезли домой. И, действительно, уже на следующий день привезли нашу маму.

Больше чекисты к нам не навещались, а золото помогло нам выжить, особенно в 1933 году, когда в России был страшный голод. В 1935 году вернулся отец, его отпустили досрочно, наверное, он был ударником коммунистического труда.

В тот же год наша семья переехала в Тамбов, а мы, дети, еще долгое время писали в своих автобиографиях, что отец был осужден по 58-й статье. Сам отец не раз обращался в облсуд – просил о реабилитации. Как-то по приезде домой я случайно нашел ответ из облсуда: «Для реабилитации нет оснований». Спрашиваю отца: «Ты перед кем унижаешься, ведь тебе наверняка отвечает кто-то из «тройки», которая тебя осудила». (И действительно, это было так. Старший брат был командиром воинской части, которая подчинялась непосредственно Генштабу. В 1970 году его вызвали в Генштаб и попросили поинтересоваться судьбой отца. Брат поехал в Тамбов к областному судье, а тот также ответил, что основания для реабилитации нет. Брат пошел к областному прокурору, тот затребовал дело отца из областного суда, ознакомился с ним и ответил брату: «Ваш отец не виноват, а не реабилитируют его потому, что областной судья был в той «тройке», которая осудила отца».)

Так что ни о каком патриотизме я и не думал, причина была в другом. К тому времени на фронте погибли два брата – один под Сталинградом (он был минометчиком), а другой – на Курской дуге (он был летчиком). Вот поэтому я так хотел попасть на фронт, чтобы отомстить за погибших братьев.

Помимо двух погибших братьев, на фронте был еще и старший брат, воевавший с

начала и до конца войны, и сестра, которая была на фронте с 1942 года и до конца войны. Встретились брат с сестрой случайно уже в Берлине. Сестре досталось больше – она была хирургом полевого госпиталя.

Сестра на фронте вышла замуж, ее муж Сергей Кузьмич Хрюкин был командиром эскадрильи бомбардировщиков. Отличился он под Кенигсбергом, который был очень сильно укреплен немцами. Две эскадрильи хотели разбомбить огневые позиции немцев «в лоб», в результате экипажи этих эскадрильи погибли. Зять не повел эскадрилью по тому же маршруту – самолеты его эскадрильи ушли далеко в сторону моря, развернулись там и пошли на Кенигсберг с немецкого тыла. Немцы решили, что летят свои, даже не додумались запросить их. Эскадрилья с тыла вышла на огневые позиции немцев и разбомбила их. Пошла наша пехота, и танки и ворвались в Кенигсберг. Зять получил за эту операцию звание Героя Советского Союза. Еще за одну операцию зятю уже подготовили документ на присвоение звания Героя, но здесь не вовремя он проявил свои бойцовские качества. Дело было так. После боевого вылета он хотел сходить в дом культуры с женой. Пришли, а сеанс уже начался. Он постучал в дверь, оттуда выходит подполковник, заорал: «Куда претесь?! Кино началось!» Зять не выдержал – и дал ему в ухо. Подполковник оглох на это ухо, его списали, а наградные документы на зятя ликвидировали, вот и остался он с одной звездой.

В конце сентября 1943 года нас собрали на пересыльном пункте Тамбова, ночью погрузили в эшелон, и мы поехали в Вольск, в артшколу.

Через несколько дней мы прибыли в артшколу, во дворе которой нас окружили голодные солдаты, которые стали просить дать им что-нибудь поесть. Я раздал остатки своих сухарей и плюшек. Вижу, к одному прибывшему со мной новобранцу пристал один младший сержант, мол, сыпь мне в пилотку из своего мешка, все равно у вас все отберут. А тот плачет, причитает: «Да у меня ничего нет, одни крошки». Жалко мне стало мальчишку, говорю: «Дай посмотрю на твои крошки». Тот отдал свою торбу, а в ней крошек было не больше одной кружки. Говорю: «Не плачь, отдай крошки этому шакалу», – и надел торбу на голову сержанта. Крошки посыпались с его головы, сержант разозлился на меня и полез в драку. Пришлось слегка ударить его в нижнюю челюсть, он упал, встал и снова пошел на меня. Я ему

нечаянно попал в солнечное сплетение, он взвыл от боли. А тут патруль – меня с младшим сержантом забрали и повели к начальнику школы. Патрульный офицер доложил суть «битвы». Начальник школы разразился руганью сначала на сержанта, мол, в штрафную захотел, выгнал его и за меня принялся: «Нам такие бандиты не нужны, считай, что ты уже отчислен, поедешь обратно на свой пересыльный пункт». Язык мой – враг мой. Я ответил, что лучше быть таким бандитом, как я, чем таким шакалом, как ваш младший сержант. Повернулся и вышел.

Так бесславно закончилась моя первая попытка попасть на фронт. Несколько человек, которые прибыли вместе со мной, отчислили по состоянию здоровья. Через два дня я был дома, мама обрадовалась, но пришлось ее огорчить, сказав, что я снова пойду на пересыльный пункт. Так прошло несколько дней – днем мы на пересыльном, а вечером уходили домой спать. И вдруг следующую партию новобранцев отправили куда-то ночью. Утром с товарищем приходим, а на пересыльном пункте никого нет. Нас начальство отругало, мол, с пересыльного пункта – ни шагу. Ну, мы и ни шагу.

Следующую партию набрали довольно быстро, в ней все новобранцы были из Тамбовской области. Опять партию отправляли ночью. Нас повезли в Ульяновскую область, в г. Мелекес («страну чудес»). Может, я плохо уже помню, но мне кажется, что эшелон разгрузили на полустанке (может, это и был Мелекес?), а затем мы протопали около 4 км в сторону леса, где на большой поляне увидели штук 20 землянок. Здесь размещался 43-й стрелковый полк 5-й стрелковой запасной бригады. Я попал в пулеметный батальон, в котором было три пулеметные роты и одна рота ПТР. Все новобранцы из Тамбова попали в пулеметные роты, а в роту ПТР попали орловчане, все они были очень худыми и высокими (Орел только что был освобожден от фашистов). Почему-то нас называли бойцами, а не рядовыми.

С винтовкой и станковым пулеметом я довольно быстро стал на «ты», а многие в роте боялись пулемета как огня, ведь убойная сила пружины замка была 16 кг. Нашим взводом командовал младший лейтенант, татарин, а отделением – младший сержант, который требовал, чтобы ему выдавали двойную порцию хлеба, а в тарелку наливали побольше и погуще. Бойцы всегда отправляли меня заниматься дележкой, и я никогда ничего лишнего этому крохобору не выделял.

В нашей роте существовал такой порядок – каждый боец должен несколько дней дежурить в ДНС (дом начальствующего состава) роты, который представлял собой землянку, разделенную на две части, имелся также маленький коридорчик. В одной части жили взводные, в другой – ротный. Дежурному отводили коридорчик – он должен был топить печку и наводить порядок в жилых частях землянки.

Пришлось и мне как-то подежурить там. До войны я читал много художественной литературы, в роте читать было нечего, поэтому принялся изучать уставы и наставления. Пришел в ДНС наш взводный, а я сижу и читаю устав. Спрашивает: «Что вы читаете?» – отвечаю: «Устав». Он решил проверить, как я усвоил статьи устава. Называет номер статьи, я ему ответил, что в ней написано. И вдруг он эту статью начал читать по складам. Оказывается, младший сержант, татарин, плохо знал грамоту. Я обалдел, спрашиваю: «Кто же вам присвоил звание младшего лейтенанта, вы ведь и читать не умеете». Он мне наивно ответил, что он член партии. Я еще раз удивился. Такой командир в роте был один, остальные офицеры были вполне грамотные. Пришли ротный и другие взводные, а он им говорит, что Гриднев знает наизусть уставы, те проверили и решили, что в роте мне делать нечего, и оставили жить в ДНС. Пришлось мне по вечерам рассказывать им о графе Монте-Кристо, о мушкетерах, Айвенго, вспомнил я и Ричарда Львиное Сердце.

Прошло несколько месяцев, командир роты говорит: «Завтра с тобой пойдем на полигон, пристреливать пулемет». Надо было поразить пятью патронами пять мишеней, установленных в 100 м от пулемета. Пришли на полигон. Ротный разрешил мне стрелять первым. Произвел стрельбу, пошли смотреть мишени. Первая мишень поражена в центр, вторая – в 20 см от центра, третья – в край мишени, а остальные две мишени остались непораженными, как говорится, пули ушли в «молоко». Говорю ротному, что мишени расставлены неправильно, надо вторую мишень удалить от первой на 20 см, третью – на 40 см, четвертую – на 60 см и пятую – на 80 см. Ротный не согласился, мол, мишени расставлены давно и правильно. Разрешил мне еще раз стрелять. Пулемет при каждом выстреле вело вправо, поэтому я стал его чуть придерживать и поразил все пять мишеней. Ротный: «Ну вот, видишь, как хорошо отстрелял, а ты хотел переставлять мишени, давай теперь я попробую». Попробовал, и

попал в две мишени, растерялся, спрашивает: «Как ты стреляешь?» Я объяснил, и он снова отстрелялся, попал в четыре мишени, обрадовался. Давай, говорит, на этом закончим, построим роту и ты всем бойцам объяснишь, как надо стрелять. Ротный спрашивает: «Поняли?» – отвечают, что поняли. Только вижу я, что ничего не поняли, они ведь за несколько месяцев ни разу не стреляли из пулемета. По пути в ДНС ротный рассказал мне, что на днях приезжает большое начальство для проверки боеготовности полка. И, действительно, через несколько дней отправили роту на полигон, а там нас уже ждали командир полка и командир пулеметного батальона. Вскоре появилась лошадь, запряженная в сани, а в санях – кучер и два начальника. Один из них – командир нашей бригады, а второй – поверяющий, толстый, коротковатый и с большими усами. Командир полка побежал докладывать о том, что рота готова к боевым стрельбам. Поверяющий дал команду начать стрельбы. Первый боец лег на исходную позицию, отстрелялся, а бойцы, сидевшие в окопе за мишенями, дали пять отмашек – ни одна мишень не поражена. Поверяющий был в полушубке, кто он, непонятно. Боец докладывает, что мишени не поражены. Поверяющий выругался нецензурными словами, топал ногами и по колено ушел в снег. Начальство помогло ему выбраться из снега. Ко мне подошел командир роты, и я его спросил, кто этот поверяющий, уж очень он похож на Буденного, а ротный отвечает: «Это и есть Буденный». Я разозлился, что же он, маршал, а ругается при бойцах как сапожник.

В это время второй боец вышел на позицию, у него было одно попадание. Буденный опять ругает высокое начальство, мол, чем вы здесь занимаетесь, на фронт захотели!? Те стоят навтыжку, у одного из них нет глаза, у другого – руки, они их потеряли на фронте. Командир роты говорит мне, что сейчас я пойду стрелять, мол, не подкачай. Лег я к пулемету, прицелился в первую мишень по центру, нажал гашетку и, придерживая ручки пулемета, отстрелялся. Бойцы в окопе проверили мишени и подняли пять красных флажков, кто-то из бойцов не выдержал и крикнул: «Все пули в центры мишени». Буденный аж запрыгал, кричит: «Ну вот, умеете же стрелять». Подхожу к Буденному, докладываю: «Товарищ маршал, боец Гриднев выполнил боевые стрельбы – из пяти патронов пять попаданий». Буденный объявил мне благодарность и обратился к комбригу:

«Ну, комбриг, зря я ругался, умеете стрелять, поехали в бригаду». Укатали с полигона. Ну иверяющий!

С Ленинграда была снята блокада, в Ульяновской области (наверное, и в других областях) собрали эшелон хлеба для Ленинграда. Для охраны выделили отделение бойцов из стрелковой роты, а меня охранять эшелон отправили с пулеметом: приделали к стволу «максима» турель, чтобы я мог стрелять в любом азимуте. Эту установку разместили в открытом вагоне (в таких вагонах обычно возили уголь), устроили там нечто вроде окопа из мешков с зерном.

Эшелон отправился в путь где-то в конце марта 1944 года, ему дали «зеленую улицу». Дня через два мы были уже на границе Новгородской и Ленинградской областей. Вечерело, и вдруг я услышал гул и сразу же увидел самолет, который летел над лесными посадками метрах в 500 с левой стороны эшелона. Я подумал, что это наш Ил-2, только гул мне не понравился, как-то «эу-эу», а иловский мотор шумит монотонно, ровно. Самолет пролетел и стал разворачиваться в сторону «хвоста» нашего эшелона, летит над эшелоном и снижается. Вагона за два до моего «окопа» летчик стал стрелять, я нажал гашетку только тогда, когда увидел на крыльях кресты. Но видно, было поздно. Откровенно говоря, боялся, что собью Ил – тогда мне «хана».

А тем временем самолет разворачивается и снова заходит в «хвост» эшелона. Я нажал на гашетку, все время целясь в фюзеляж самолета, где виднелась оскаленная рожа летчика. И вдруг самолет резко взмыл вверх, быстро набрал высоту метров 500, правая плоскость самолета задымилась, и он резко пошел вниз, вонзился в кустарники и взорвался. Я даже не могу передать чувство удовлетворения – нет самолета и фашиста-летчика! Видно, не я ему был нужен, а паровозная бригада – паровоз был в двух вагонах впереди моего «окопа».

Километров через семь появилась станция, когда-то белая, а теперь черно-белая, на которой находилась большая воинская часть. Видно, ее вывели из боя на переформирование: здесь и танки, и артиллерия, и пехота. Стоит полковник и спрашивает: «Кто сбил самолет?» – бойцы, выскочившие из теплушки, кричат и показывают на меня. Полковник: «Как же ты ухитрился его сбить?» Я ответил, что у меня никакой хитрости не было, но было очень большое желание сбить самолет, который «разгуливал» в тылу вашего соединения. Полковник сказал, что он, ко-

манدير дивизии, представит меня к награде. На это я ему ответил, что уже награжден тем, что сбил самолет и летчика-фашиста, больше этого для меня награды нет. Полковник удивился и сказал, что все же представит меня к награде и что на этом наша миссия окончена, поскольку для охраны эшелона он выделил целый взвод бойцов. Дали нам справки, что приняли у нас оружие, наградили большой банкой (не то 3, не то 5 кг) американского бекона и дали пять буханок хлеба, посадили в вагон, и дня через два мы объявились в своем полку. (Кстати, гражданские, которые должны были сдать зерно и муку в Ленинграде, очень не хотели, чтобы нас заменяли.) Поделили бекон и хлеб, и я понес в ДНС угощать взводных и ротного, а также командира батальона, который оказался там. Когда они узнали историю о том, что я сбил самолет, к моему удивлению, стали ругать меня: «Надо было потребовать от полковника справку, что ты сбил самолет, а теперь в наградном листе появится кто-то из его дивизии». Я слушал, слушал и рассмеялся, чем вызвал их замешательство. А я сказал, что уже награжден: получил удовлетворение от того, что сбил фашистский самолет, а, кроме того, американский бекон и хлеб. Воспользовавшись присутствием командира, я рассказал о том, как сержанты роты ПТР относятся к бойцам-орловцам, вечно голодным и очень слабым: как-то рота ПТР бежала мимо нашей землянки, каждое ружье ПТР несли на плечах два бойца. Сзади роты бежал сержант и, крича, все торопил их. Наконец, он догнал последнего бойца и толкнул его, чтобы тот бежал еще быстрее. Боец упал и больше не встал – он был мертв. Рота остановилась и сгрудилась вокруг.

Комбат (очень хороший человек) сказал, что ему об этом не докладывали, и теперь сержант пойдет в штрафную роту. Бедные орловчане, они часто приходили к помойной яме кухни батальона и выбирали из нее головки соленой селедки и там же, в яме, съедали их. Как-то недавно я вспоминал о своем товарище Николае Розанове, с которым вместе попал в пулеметную роту. Так вот, этот товарищ был не очень чист на руку и как-то принес ко мне в ДНС около 5 кг соленой селедки и попросил схоронить ее где-нибудь у ДНС. Где он взял эту рыбу, мне он так и не сказал, мол, это не твое дело, но я думаю, взял он ее у зазевавшегося повара накануне во время дежурства на кухне. Я зарыл эту рыбу в снег и забыл о ней, но когда увидел орловцев, жующих рыбки головы в помойной

яме, позвал их с собой и отдал им эту рыбу, мол, поделите в своей роте, а если кто-нибудь будет спрашивать, откуда она, скажите, что нашли большой сверток рыбы в помойной яме. Они не поверили этому «чуду» и смотрели на меня такими счастливыми глазами! Попросил, чтобы они поскорее ушли, мол, а то вдруг придет хозяин рыбы и отберет. Розанов потом много «хороших» слов сказал мне, а потом рассмеялся, вспомнил, как мы обыграли в очко весь сборный пункт Тамбова. Очень много денег у нас было, у обыгранных слезы навернулись на глазах, и тогда я сказал Розке (так все его звали), чтобы он все до копейки отдал обратно крестьянским паренкам. И он отдал, вот над этим он и хохотал, мол, тебя ничего не исправит: «Тогда у тебя такие глаза были, что я понял, если не отдам, то ты сбросишь меня с четвертых нар, на которых мы играли». Вообще-то Розанов был неплохим парнем. Как-то был брошен клич: «Кто хочет поехать в танковую школу учиться на водителя танка?». Я хотел поехать с Розановым, но комбат и комроты мне не разрешили. Я воспользовался тем, что комроты был в увольнении (было воскресенье), пошел к сотруднику СМЕРШа и попросил меня и моего товарища направить для учебы в танковую школу. Сотрудник СМЕРШа знал все о моей семье, что два брата погибли и еще брат и сестра на фронте, и дал распоряжение, чтобы нас зачислили в школу. [8а] Мы уже стояли в строю и прощались со своей ротой, как вдруг появился комроты, увидел меня и быстро ушел к командиру. Прибежал оттуда и командует: «Гриднев, выйди из строя». Я вышел и попросил вывести из строя и Розанова. Ротный сказал: «Нет!» Так я расстался с другом. Розанов дошел до Берлина, но почему-то не водителем танка, а «крутите-лем» художественных картин в ДК армии.

Когда о записи в школу танкистов узнал комбат, то пришел в ДНС, и все они – взводные, ротный и комбат – говорили, мол, зачем тебе это надо, ведь война скоро закончится, куда ты лезешь, хочешь, чтобы еще один сын у матери погиб. Комбат сказал: «Давай мы тебе присвоим три лычки, ты перейдешь в командный состав полка – пойдешь к новому месту дислокации полка, ближе к фронту, там и закончишь службу». А ведь я хотел закончить не службу, а пойти на фронт. Все поняли одно – я хочу бить фашистов! Потом они посоветовались и решили отправить меня на фронт с другим полком. Со мной поехал младший лейтенант, узнать у командующего армией место дислокации нашего полка.

*Брат Сергей и сестра
Анна Гридневы.
Берлин, 1945 г.*

Младший лейтенант проговорился, что берет от капитана-комбата (который хорошо знал командующего) генералу армии письмо обо мне. Я почувствовал какой-то подвох и хотел уговорить лейтенанта вскрыть письмо или выбросить его, но он не согласился. Так мы доехали до передовой, дальше дороги не было, нас выгрузили из вагонов (огромную и неорганизованную толпу). Наш вагон остановился около вокзала, скорее, около того, что от него осталось. Прибывших встречали обстрелянные фронтовики, рядом со мной стоял младший лейтенант, прибывший со мной, и младший лейтенант от встречающих.

Километрах в 2-2,5 висела немецкая «рама», летчик которой, очевидно, уже общил своим об обстановке на станции.

Я указал на «раму» и сказал младшим лейтенантам, что эта «бабочка» висит «по нашу душу» и пора бы рассредоточиться. Встречающий эшелон младший лейтенант мне: «Не успел приехать, как испугался какой-то "рамы"», – на что младший лейтенант, приехавший со мной, заметил: «Боец Гриднев приехал на фронт добровольно, а полк остался в ульяновском лесу». В это время появились три немецких бомбардировщика, они явно летели в нашу сторону. Раздалась команда: «Воздух, ложись!». Все, где стояли, там и легли. Послышался какой-то свист, удар, и я отключился. Очнулся я уже

тогда, когда меня несли на носилках. Я соскочил с них, пошел назад, но не нашел ни своего, ни встречавшего нас младшего лейтенанта. Санитары за руки потянули меня обратно к носилкам. Бежит старенький полковник медицинской службы, кричит: «Сынок, не воюй с санитарями, ты уже отвоевался, пощупай свою голову». Я щупаю голову, а на ней какой-то тюрбан из бинтов. Спрашиваю: «Где лейтенант, с которым я приехал», – а начальник эвакогоспиталя молчит. Потом, когда я уже оказался в лазарете на колесах, мне рассказали, что на вокзал упала всего одна бомба, но она развалила все, что осталось от вокзала, мне балками придавило ноги и срезало кожу с головы. Почти одновременно с немецкими самолетами появились и наши истребители, они и отогнали немецких бомбардировщиков.

А я до сих пор вспоминаю младшего лейтенанта – не поехал бы он со мною, остался бы жив.

В тот же день – это было в последних числах апреля 1944 года – эвакогоспиталь покатился в тыл. Почему-то начальник поезда (он же главный врач) очень хорошо отнесся ко мне. Когда он узнал, что моя сестра с 1942 года работает хирургом в полевом госпитале, старший брат с начала войны на фронте, а два других брата погибли, он меня выругал, но как-то по-отцовски: «Ваша семья сполна выполнила свой долг, тебе на фронте нечего было делать, теперь уж я позабочусь, чтобы ты больше не попал на фронт, отвоевался».

Целую неделю мы добирались до госпиталя в Куйбышеве. К тому времени из черных (видно, были перебиты какие-то сосуды) мои ноги стали сначала синими, а затем желтыми. А вот с головой было не совсем просто: кровь, волосы, бинты спеклись воедино – снять этот тюрбан было невозможно. Доктор решил оставить все как есть до прибытия в Куйбышев. В Куйбышеве под наркозом с моим тюрбаном быстро расправились, причем, как я потом узнал, кожу на голове пришлось снова срезать, все как следует «выстирать» и снова пришить (остался большой безобразный шрам). В течение недели шрам на голове зажил, как говорится, как на собаке, и ноги пришли в норму.

Через несколько дней мне предложили поехать в Безенчук, который находился в 70 км от Куйбышева – в минно-торпедное морское авиационное училище. Дали направление и сопровождающего. Там я прошел комиссию,

и меня приняли на штурманское отделение. Но я недолго там пробыл – открылась рана на голове, и произошло нагноение, мне предложили учиться на стрелка-радиста. Я отказался, и меня списали на базу, которая, кроме всего прочего, занималась и караульной службой.

В 1945 году, когда война закончилась, мы надеялись, что нас отпустят домой, но не тут-то было – мы продолжали служить.

В 1947 году училище вернулось на прежнее место базирования, в Николаев, а мы пробыли в Безенчуке еще год, охраняя оставшееся военное имущество. В 1948 году приехали в Николаев, в технический отдел базы училища. На двух катерах КМ тралили Бугский лиман, на берегах которого разместился громадный кораблестроительный завод. За все время подсекли лишь одну глубинную бомбу, отбуксировали ее подальше и расстреляли. Набрали много оглушенной рыбы и сварили для всех уху. В мастерской технического отдела сделал свое первое изобретение: устройство для отливки свинцовых пломб, в которых была большая нужда.

В 1949 году на р. Буг встал лед, осталась небольшая полынья, в которой обычно купался генерал – начальник училища. Как-то прибежал мичман Гурко и попросил пойти с ним на его склад. Пришли, он отворил дверь в сторону Буга и показывает на «ванну» генерала. Спрашиваю: «Тебе что надо?» Мичман отвечает: «Там плавает чирок, убей его». Действительно, виднеется головка чирка. Спрашиваю: «Зачем?» Отвечает: «Хорошо погуляем». До чирка около 30 м, а головка видна, как наперсток. Дал он мне мелкокалиберную винтовку, я попал в чирка, Гурко достал его со льда. Склад закрыли, сели на его мотоцикл и через 30 минут приехали к нему на квартиру. Жена пожарила чирка, выпили всю имевшуюся водку и съели чирка. Гурко захотел еще водки. В 12 км от Николаева был виноградник училища, мол, привезу оттуда водки и еще выпьем. Я отказался и ушел на базу. А он «полетел» на мотоцикле на виноградник, а на юге ночи черные, и он разбился. Похоронили его через три дня. И никак не могу забыть, ведь не залети чирок в «купальню», Гурко был бы жив.

К 1950 году мы стали уже совсем неуправляемые – сколько можно служить. Офицеры говорили в открытую: «Уж лучше бы их демобилизовали».

В то время многие вступали в партию, вступали в основном курсанты, а с нашей

ВОЙНА СТАЛА ДАЛЕКОЙ, А ПАМЯТЬ О НЕЙ ВЕЧНО БУДЕТ БЛИЗКОЙ

базы ни одного матроса не вступило. Вызывает меня начальник политотдела и спрашивает: «Почему курсанты в партию валом валят, а с базы – ни одного матроса». Отвечаю: «Не знаю». А он: «Я же тебя спрашиваю не как полковник, а как человек». Я знал его как очень порядочного человека. Отвечаю: «Сначала надо устроить чистку КПСС, выбросить оттуда «мусор», тогда и матросы будут вступать в КПСС». Полковник закрыл уши и говорит: «Я ничего не слышал». Отвечаю: «А я ничего и не говорил». Он посоветовал больше никому о нашем разговоре не говорить, но с моим мнением согласился.

В начале сентября 1950 года меня демобилизовали. В армии окончил курсы бухгалтеров, пошел работать в тамбовский облпромтехснаб, но работа мне не понравилась. [86, 9] Осенью 1951 года пошел к директору вечерней школы и сказал ему, что официально у меня 7 классов образования, при призыве в армию записали, что у меня 9 классов: «Знаний у тебя больше, чем у семиклассника». И спрашиваю директора: «Если я буду хорошо учиться в 10-м классе и за этот год сдам все предметы за 8-9-й классы, идущие в аттестат, вы меня примете?». Отвечает: «Приму». Окончил школу с медалью и покатил в Москву. 5 лет отучился в МГУ. После окончания МГУ до настоящего времени работаю в Институте физики Земли им. О.Ю. Шмидта. Ну, а о том, как меня ругали брат, сестра и зять за то, что, имея «бронь», ушел в армию, об этом лучше помолчу.

Удивляет меня то, что ко Дню Победы многие надевают на себя целые «иконостасы», а когда закончилась война и солдаты возвращались с войны, мало у кого из воевавших на груди были награды – один-два ордена и две-три медали, а у тех, кто на полях сражений в землю лег, их и вовсе не было. В

Гриднев (слева) с братьями Валентином и Алексеем. Тамбов, октябрь 1950 г.

Николаев, март 1950 г.

этот день надо вспоминать, прежде всего, о тех, кто не вернулся с фронта домой. Вечная им память!

ГРИДНЕВ Дмитрий Григорьевич – доктор технических наук, главный научный сотрудник, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН. 123995, ГСП Москва, Д-242, ул. Большая Грузинская, д. 10. Тел.: 8 (499) 254-53-30.

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРЕ**

THE WAR BECAME FAR, BUT THE MEMORY OF IT WILL BE CLOSE FOR EVER

DMITRII G. GRIDNEV

Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT. Dmitrii G. Gridnev recalls his life, field duty in the Red Army since 1943 till 1950, participation in combat operations and attitude to the event he was involved with.

KEY WORDS: D.G. Gridnev, combat operations at the border between Novgorod and Leningrad regions